

РАЙОННЫЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ И ИХ РОЛЬ В МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В СЕРЕДИНЕ 20—30-х гг. XX в.

А. И. Сысов,

*Южно-Уральский государственный университет,
г. Челябинск, Российская Федерация*

Модернизация общества являлась одной из приоритетных задач советской власти. С ее осуществлением в значительной степени была связана деятельность партийного и советского аппарата управления, начиная с высшего центрального звена и заканчивая первичными органами власти в регионах. Особое внимание в статье уделяется участию районных органов власти в основных модернизационных процессах середины 1920—1930-х гг. на Южном Урале. Рассматриваются также вопросы, связанные с формированием организационной структуры районных органов власти, дается характеристика законодательным основам их деятельности в этот период. В статье сделан акцент на противоречивом характере многих модернизационных мероприятий этого времени, особенно применительно к использованию мобилизационных методов осуществления социально-экономической политики. В то же время указывается, что районный аппарат управления оказал большое влияние на ход сталинской модернизации и способствовал, несмотря на противоречивый характер его деятельности, ускорению темпов развития региона.

Ключевые слова: модернизация, индустриализация, коллективизация, «культурная революция», райисполком, районный комитет партии.

По мнению многих отечественных и зарубежных ученых в середине 20-х гг. XX в. СССР относился к т. н. «частично модернизированным обществам», так как многие элементы традиционного общества к этому времени здесь еще не были полностью изжиты [15]. Модернизация страны являлась одной из приоритетных задач советской власти, без решения которой, было невозможно реализовать социалистический проект, разработанный ведущими идеологами партии большевиков. К тому же в это время стало совершенно очевидно отставание темпов развития СССР от темпов развития ведущих стран мира, о чем не раз говорил лидер большевиков И. В. Сталин [16, с. 39]. К проведению форсированной модернизации подталкивали также сложная внешнеполитическая обстановка и обострившийся внутренний политический кризис. В такой ситуации совершенно закономерно, что деятельность партийного и советского аппарата управления в СССР, начиная с высшего звена и заканчивая первичными органами власти, в 1920—1930-е гг. почти полностью была посвящена решению широкого круга проблем, так или иначе, связанных с процессами форсированной модернизации. Если центральные органы власти, как правило, принимали решения, которые должны были определить стратегические установки и перспективы модернизационных процессов, то региональная власть, чаще всего, являлась проводником государственной политики по реализации общенациональных интересов на местном уровне, и должна была найти способы для наиболее эффективного и быстрого исполнения решений центральных органов. В разных регионах СССР эти процессы шли по-разному. Каждый из крупных регионов Советского Союза представлял собой не просто общность людей, проживающих на отдельно

взятой территории, но и относительно самостоятельное образование, обладающее собственными политическими, экономическими, национальными, культурными, психологическими особенностями. Эти особенности, несомненно, влияли и на характер власти на местах, и на эффективность той политики, которую органы власти проводили.

В настоящее время в отечественной историографии пока не сформировано целостное представление об особенностях функционирования региональных (районных) органов власти в условиях сталинской модернизации середины 1920—1930 гг., хотя некоторые вопросы деятельности партийных и советских органов власти этого периода уже попадали в поле зрения отечественных и зарубежных историков [6—8; 19; 20 и др.]. Опыт, полученный районными органами власти в 1920—1930-е гг., на наш взгляд, может быть полезен и в настоящее время, так как дает возможность избежать некоторых ошибок при проведении социально-экономических преобразований в современной России. Поэтому изучение положительных и отрицательных сторон деятельности районных органов власти в условиях проведения мобилизационных мероприятий является сейчас особенно важным.

Эти обстоятельства во многом определили цель данной статьи, которую мы видим в том, что бы на примере районных органов власти горнозаводской зоны Южного Урала выяснить ту роль, что сыграли региональные органы власти в модернизационных процессах на Южном Урале в середине 1920—1930 гг. XX в.

Для достижения этой цели предполагается решение следующих задач: во-первых, необходимо определить структуру районных (советских и партийных) органов власти на Южном Урале в

исследуемый период, во-вторых, дать характеристику законодательным основам их деятельности в этот период, в-третьих, проанализировать основные направления деятельности районных органов власти в ходе модернизационных процессов середины 1920—1930 гг.

Для решения поставленных выше задач были использованы следующие источники: нормативно-правовые документы 1920—1930 гг. (советские Конституции, Уставы ВКП (б)), материалы региональных и районных архивов (ОГАЧО, ААКИМР), а также ряд уже ранее опубликованных документов и материалов, связанных с работой региональных органов власти [13]. Необходимо отметить, что в центре внимания данной статьи в основном находятся районы Южного Урала, относящиеся к горнозаводской зоне. Специфика этих районов была связана не только с удаленностью от политического центра Южного Урала, но так же с особенностями социальной структуры населения, которая во многом определялась традиционным для региона металлургическим производством и связанными с ним промыслами, своеобразием культурной традиции, сложившейся в этой зоне. С другой стороны, являясь частью южноуральского региона, горнозаводская зона оказалась вовлечена в целый ряд общих для всего региона процессов, которые, так же как и повсюду на Урале привели, к коренному изменению социально-экономического уклада.

Районные органы власти, отвечавшие перед вышестоящими структурами управления, как за промышленное развитие, так и за сельское хозяйство на подведомственных им территориях, были организованы на Южном Урале после того, как 17—25 апреля 1923 г. в Москве состоялся XII съезд РКП (б), принявший решение о коренном изменении административно-территориального деления страны путем районирования. По постановлению президиума Уральского облисполкома от 27 февраля 1924 года на базе волостей и станиц ликвидированных уездов создавались районы и вводилась трехступенчатая система управления: область — округ — район. 4 ноября 1926 года ВЦИК РСФСР утвердил деление Уральской области на округа и районы. По сравнению с упраздненными волостями, районы обладали гораздо большими экономическими перспективами и возможностями. А после упразднения округов в 1930 г. районы становятся важнейшим звеном в осуществлении социально-экономической политики на местном уровне.

Система районных органов государственной власти на Урале основывалась на Конституции РСФСР 1925 г. и включала в себя районные съезды Советов, созывавшиеся один раз в год, которые избирали свои исполнительные комитеты (РИКи) (ст. 52 Конституции РСФСР 1925 г.) [9]. Райисполкомы являлись в период между съездами высшими органами Советской власти в районах, несли ответственность перед избравшими их съездами и подчинялись вышестоящему исполнительному комитету, ВЦИК и СНК РСФСР (ст. 54 Конституции РСФСР 1925 г.) [9]. Для непосредственного руководства всей текущей работой по управлению соответствующей территорией и проведения в жизнь постановлений

и декретов центральных властей исполнительные комитеты избирали президиумы, которые исполняли их функции между заседаниями (ст. 55 Конституции РСФСР 1925 г.) [9]. При этом ответственность за принятые решения президиумы несли перед избравшими их исполкомами. Районные органы советской власти, согласно ст. 65 Конституции РСФСР 1925 г., имели право осуществлять контроль над деятельностью нижестоящих местных советов и их исполнительных органов, а также отменять их решения [9]. Эта норма продолжала действовать и после принятия в 1937 г. новой Конституции РСФСР (ст. 91), разработанной на основе Конституции СССР 1936 г. «Сталинские» Конституции продолжали идти по пути унификации структуры советских органов: главными органами государственной власти теперь провозглашались Советы депутатов трудящихся (областные, районные, городские, поселковые, сельские), избиравшиеся на основе равного избирательного права трудящимися данной местности старше 18 лет сроком на 2 года (ст. 78 Конституции РСФСР 1937 г.) [10]. Советы депутатов и их исполкомы, как и прежде, обязаны были заниматься культурно-политическим и хозяйственным строительством на своей территории, руководить деятельностью подчиненных им органов управления, устанавливать местный бюджет, обеспечивать охрану государственного порядка, содействовать усилению обороноспособности страны, обеспечивать соблюдение законов и охрану прав граждан (ст. 79 Конституции РСФСР 1937 г.) [10].

Структура партийных органов власти базировалась на положениях Устава ВКП (б) 1925 г., утвержденного на XIV съезде партии (окончательно текст внесенных на съезде поправок был утвержден на заседании ЦК ВКП (б) 17 июня 1926 г.) [18]. В этой редакции Устав партии действовал до февраля 1934 г., когда вступили в силу изменения, внесенные на XVII съезде партии. Однако, ни редакция Устава 1934 г., ни следующая редакция 1939 г., принятая на XVIII съезде, принципиально уже ничего не изменили в организационной структуре партии. Высшими органами партийной власти на конкретной административной территории являлись партийные конференции (областные, окружные, районные), избиравшие соответствующие партийные комитеты. Внутри парткомов для текущей работы формировались партийные бюро. Во главе парткомов стояли секретари, для избрания которых на эту должность был необходим определенный партийный стаж и утверждение вышестоящих партийных органов [18].

Механизм принятия решений в районах во многом зависел от взаимоотношений между партийными и советскими органами власти. На протяжении 1920—1930-х гг. в силу разных объективных и субъективных причин происходило усиление руководящей роли партии по отношению к Советам. В итоге государственный аппарат, по существу, превратился в исполнительный механизм для реализации партийных решений. Это привело к созданию такой системы, где законодательные, распределительные и контрольные функции принадлежали партийным органам, а исполнительные — государ-

ственным. При этом необходимо учитывать, что сложившийся в это время механизм власти, несмотря на свои многочисленные недостатки, сохранялся и функционировал достаточно продолжительное время и существенно способствовал модернизации страны [5]. Районные органы власти являлись в этот период важнейшим инструментом воплощения в жизнь планов Центра в провинциальных глубинках страны.

Концепция форсированной модернизации, которая реализовывалась в СССР в середине 1920—1930 гг., включала в себя индустриализацию, коллективизацию и культурную революцию. Как известно, процесс модернизации предполагает переход от традиционного общества к индустриальному. Поэтому, совершенно естественно, что центральным звеном сталинской модернизации стала индустриализация. На Южном Урале индустриализация предполагала строительство новых, а также реконструкцию и перепрофилирование старых промышленных предприятий. В этих условиях районные органы власти обязаны были создать условия для осуществления на подконтрольной им территории необходимых мероприятий. Вопросы быта, обеспечение прибывающих рабочих жильем и продовольствием и многие другие хозяйственные проблемы решались непосредственно районными властями. Примером может служить строительство ММК, когда прибывшие на место будущего комбината первостроители оказались практически в голой степи и местным властям пришлось по существу «с нуля» создавать всю инфраструктуру района [11]. Другим примером участия районных органов власти в решении задач индустриализации Южного Урала является планировавшееся в 1930-е гг. строительство Бакальского металлургического завода-гиганта. Бакальский завод должен был стать одним из величайших мировых гигантов по выработке высококачественных сталей, оборудованным на основе последних достижений мировой металлургической техники. Одним из вариантов возможного расположения этого завода рассматривалась горнозаводская зона Южного Урала. Поэтому власти прилегающих к Бакальским месторождениям районов были озадачены необходимостью организовать изыскательские и геолого-разведочные работы по поиску подходящей для завода площадки и новых железнорудных месторождений. К осени эти работы были в основном завершены и Урагипромез, первоначально отвечавший за проектирование завода, остановил свой выбор на площадке в Катавском районе, неподалеку от Юрюзанского поселка [1, л. 36]. В Катав-Ивановск была направлена резолюция расширенного заседания бюро ИТС Гипромеза, Уралгипромаша и специалистов Уралплана, в которой районным властям предписывалось к началу 1931 г. завершить в этом районе изыскания. Кроме того, используя, прежде всего местные ресурсы, на них возлагалась обязанность по решению вопроса о кадрах. Для этого им было необходимо организовать систему укомплектования штатов будущего строительства, учредить строительный техникум в Катав-Ивановске и систему Фабзауча в Юрюзани. Летом 1931 г. надлежало исполнить железнодорож-

ные изыскания, определить постоянные и временные пути сообщения, а осенью 1931 г. приступить к заготовке строительных материалов и созданию нескольких кирпичных и бетонных заводов, и уже затем начать строительство подъездных путей и города [1, л. 36—37]. И хотя эти планы так и не были реализованы в Катавском районе, однако, этот пример свидетельствует об активном участии районных органов власти в осуществлении индустриализации на Южном Урале [17].

Особое место в деятельности советских и партийных органов власти южноуральских районов в конце 1920 — середине 1930-х гг. занимали коллективизация и раскулачивание. В их компетенцию входило составление и корректировка списков тех, кого следовало раскулачить, установление индивидуального налогообложения и раздача «твердых заданий» по сдаче зерна, по посевной площади, по доставке леса, угля на заводы и т. д. тем крестьянским хозяйствам, которые не желали вступать в колхоз (невыполнение «твердого задания» автоматически вело к описи имущества и 5-кратному погашению недоимок, а затем и к выселению крестьян). Помимо экономических методов воздействия резко были ужесточены и внеэкономические, особенно в период сплошной коллективизации, когда районное и местное руководство активно использовало средства административного нажима, откровенное насилие и издевательства над крестьянами [4, с. 37—38, 40]. Именно районный аппарат управления обладал исключительным правом лишения жителей избирательных прав («поражение в правах»), что автоматически превращало этих людей во «второй сорт» [3, л. 13—14]. Полномочия районных органов власти Южного Урала менялись в ходе коллективизации и раскулачивания: так на первом этапе (февраль — май 1930 г.) они в большей степени выполняли посредническую роль между окружными и сельскими органами власти, на втором этапе (март-апрель 1931 г.), особенно после ликвидации округов, к ним перешли основные функции, непосредственно связанные с практическим воплощением раскулачивания, на третьем этапе (июль — август 1931 г.), когда осуществление процесса раскулачивания было передано в руки ОГПУ, основное внимание районных органов власти было приковано к колхозному строительству. Результатом этой деятельности стало создание на Урале к середине 1930-х гг. из нескольких десятков тысяч единоличных крестьянских хозяйств нескольких сотен колхозов и совхозов.

Значительная (если даже не большая) часть мероприятий сталинской модернизации осуществлялась при помощи мобилизационных методов. Очень часто ответственность за проведение мобилизационных мероприятий возлагалась именно на районные органы власти. Так в начале 1932 г. на многих крупных стройках Урала резко обострилась проблема с обеспечением рабочей силой. Поэтому районным органам Уральской области было предписано организовать так называемое «добровольное отходничество» на строительство промышленных объектов. Для этого, например, в Катавском райисполкоме Уральской области специально была организована особая структура — т. н. «пятерка».

В ее состав вошли Председатель РИКа П. А. Козлов, члены исполкома Булыкин, И. С. Попов, Чувилов и Калинин [12, с. 213]. «Пятерке» было поручено в течение июня 1932 г. сформировать первую группу из раскулаченных в районе крестьян для отправки на Челябинктракторстрой в порядке т. н. отходничества. Задача была не такой уж и простой, т. к. за предыдущие этапы раскулачивания (1929—1931 гг.) в районе уже практически не осталось зажиточных хозяйств. Поэтому в ход часто пускались шантаж и провокации. На потенциальных раскулачиваемых собирали «компромат» всеми возможными способами, в том числе пуская в дело клевету и доносы [12, с. 214]. В результате «кандидатам в кулаки» предлагался выбор: либо они добровольно едут строить ЧТЗ (а впоследствии возможно и другие объекты), либо их раскулачат и отправят туда же (или гораздо севернее), но уже под конвоем. В результате этого давления в июне 1932 г. 34 семьи получили удостоверения «кулаков» и отбыли в Челябинск. А в октябре 1932 г. в Катавском районе аналогичным способом была сформирована еще одна такая же группа для отправки на строительство Нижнетагильского вагоностроительного завода [13, с. 356—358].

Другим, не менее важным, направлением участия районных органов власти в модернизации советского общества была так называемая «культурная революция», ибо одной из главных стратегических целей, поставленных центральным партийным руководством, было воспитание нового человека, преданного коммунистическим идеям и идеалам. Решить эту непростую задачу можно было только в условиях монополии на информацию, организовав массивную пропаганду, подорвав влияние церкви в обществе, сильнейшего, пожалуй, на тот момент конкурента властей в борьбе за «умы и души» людей. Кроме того, как полагали большевики, успешное завершение модернизации советского общества невозможно без разрушения старого традиционного общества, оплотом которого и являлась религия. По этой причине борьба с религией являлась важнейшей частью плана сталинской модернизации, целью которого было создание коммунистического индустриального общества. Установки высших органов власти на борьбу с религией последовательно реализовывались в регионах, в том числе и на Южном Урале, в чем немаловажную роль сыграли районные советские и партийные органы. При этом особых различий между представителями разных религиозных направлений региональные органы власти практически не делали. С точки зрения руководителей районных органов власти все религии были одинаково лишними в новом обществе. В 1930-е гг. на Южном Урале была закрыта большая часть культовых учреждений: мечетей, церквей, монастырей, старообрядческих храмов и скитов. Действия советских властей против религии порой напоминали военную спецоперацию. Так в Катавском районе на основании постановления Райисполкома от 9 сентября 1932 г. были принудительно закрыты старообрядческие скиты: 11 сентября 1932 г. — Месединский скит, а на следующий день, 12 сентября 1932 г., такая же участь постигла и Александровский скит [2, л. 1]. По воспоминаниям старожилов, воору-

женные люди нагрянули в Месединский скит прямо во время богослужения, всех выгнали из молельной и опечатали помещение. Все имущество монастырей, а это различные вещи, сельскохозяйственный инвентарь, дома, хозяйственные постройки, скот, продовольствие, согласно Протоколу заседания Катавского РИКа от 14 сентября 1932 г., подлежало конфискации и передавалось колхозам. Изъятое продовольствие было взято на учет и направлялось для снабжения сельских учителей, пенсионеров, семей красноармейцев [2, л. 39]. Жители монастырей должны были покинуть скиты и разъехаться по местам своего прежнего жительства или к своим родственникам. Начальнику районного управления милиции (РУМ) было предписано тщательно проследить за выездом монахов из монастырей к месту постоянного пребывания [2, л. 39].

Разумеется, районные органы власти осуществляли «культурную революцию» на Южном Урале не только силовыми акциями, направленными против религиозного влияния, но и широкомасштабной пропагандисткой компанией, нацеленной на распространение коммунистической идеологии [14, л. 31 — 31 об.]. Огромной заслугой районных органов власти было развитие образования в регионе, в том числе профессионального, особенно необходимого в условиях начавшейся индустриализации, когда возник резкий дефицит в грамотных технических специалистах. Практически во всех населенных пунктах стали действовать начальные школы, в поселках и городах — семилетние и средние школы. Рост грамотности вызвал большой спрос на литературу и привел к росту количества библиотек. В начале 1930-х гг. вышли первые номера районных многотиражек. В кинотеатрах и клубах регулярно показывали фильмы и кинохронику. В поселках создавали радиогазеты и радиоточки. Быстро завоевывали популярность физкультура и спорт [12, с. 107—109]. Не случайно большая часть проведенных в этой сфере мероприятий оценивается многими исследователями положительно, так как они способствовали подъему уровня интеллектуального развития местного населения.

Таким образом, можно утверждать, что районный аппарат управления, состоявший из советских и партийных органов власти, организованный в соответствие с нормативно-правовыми документами, утвержденными вышестоящими партийными и государственными органами, сыграл значительную роль в модернизационных процессах середины 1920—1930 гг. на Южном Урале. Особенно большое влияние его деятельность оказала на ход в регионе индустриализации, коллективизации и «культурной революции». Действия районных властей порой носили противоречивый характер, особенно в деле организации мобилизационных мероприятий, таких как, например, коллективизация. Районные органы власти были обязаны выполнять соответствующие директивы Центра и в этих условиях им очень часто приходилось применять насильственные методы воздействия. С другой стороны, деятельность районных властей Южного Урала в целом способствовала развитию экономики и инфраструктуры региона, повышению уровня образования и культуры местных жителей.

Литература и источники

1. ААКИМР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2.
2. ААКИМР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7.
3. ААКИМР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8.
4. Баранов, Е. Ю. Чрезвычайные методы заготовок в уральской деревне в период сплошной коллективизации / Е. Ю. Баранов // *Аграрная экономика в контексте российских модернизаций XIX—XX веков: эволюция и кризисы* : сб. ст. — Оренбург, 2009.
5. Беделъ, А. Э. Сталинская индустриализация (30—40-е годы) / А. Э. Беделъ и др. // *Опыт российских модернизаций XVIII—XX века*. — Екатеринбург, 2000. — С. 162—174.
6. Гаман-Голутвина, О. В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции / О. В. Гаман-Голутвина. — М. : Интеллект, 1998. — 448 с.
7. Гимпельсон, Е. Г. Формирование советской политической системы. 1917—1923 гг. / Е. Г. Гимпельсон. — М. : Наука, 1995. — 229 с.
8. Гимпельсон, Е. Г. Советские управленцы. 20-е годы / Е. Г. Гимпельсон. — М. : Ин-т рос. истории РАН, 2001. — 225 с.
9. Конституция РСФСР 1925 г. — URL: <http://dslov.ru/txt/t4.htm>.
10. Конституция РСФСР 1937 г. — URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/A0_\(1937\)](https://ru.wikisource.org/wiki/A0_(1937)).
11. Макарова, Н. Н. «В котле индустриализации»: повседневная жизнь Магнитогорска (1929—1941) / Н. Н. Макарова. — Магнитогорск : Дом печати, 2014. — 428 с.
12. Мукомолов, А. Ф. На южноуральских заводах / А. Ф. Мукомолов. — Кн. 6. — М. : Территория, 2007. — 496 с.
13. Мукомолов, А. Ф. На южноуральских заводах. Сборник документов и материалов / А. Ф. Мукомолов. — Кн. 6. — М. : Территория, 2007. — 608 с.
14. ОГАЧО. Ф. 317. Оп. 1. Д. 478.
15. Побережников, И. В. Модернизация: теоретико-методологические подходы — URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB8/poberej.htm>.
16. Сталин, И. В. О задачах хозяйственников: речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. // И. В. Сталин. Сочинения. — Т. 13. — М. : Гос. изд-во лит. литературы, 1951. — С. 29—42.
17. Сысов, А. И. «Бакал-гигант»: поиск оптимальных вариантов строительства завода / А. И. Сысов // *Архив в социуме — социум в архиве : материалы регион. науч.-практ. конф.* — Челябинск, 2018. — С. 228—233.
18. Устав ВКП(б) 1926 г. — URL: <https://coollib.com/b/106392/read>.
19. Фицпатрик, Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / пер. с англ. ; Ш. Фицпатрик. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. — 422 с.
20. Хлевнюк, О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы / О. В. Хлевнюк. М. : Росспэн, 1996. — 294 с.

СЫСОВ Александр Иванович, аспирант, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, российская Федерация). E-mail: sysov_1975@mail.ru

Поступила в редакцию 20 февраля 2019 г.

DOI: 10.14529/ssh190210

REGIONAL AUTHORITIES AND THEIR ROLE IN THE MODERNIZATION PROCESSES IN THE SOUTHERN URAL IN THE MIDDLE OF THE 20—30s. XX CENTURY

A. I. Sysov, sysov_1975@mail.ru,
South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

Modernization of society was one of the priorities of the Soviet government. The activity of the party and soviet administration has been largely associated with its implementation, from the highest central level to the primary authorities in the regions. Particular attention is paid to the participation of regional authorities in the main modernization processes of the mid-20-30s. in the Southern Urals. It also considers issues related to the formation of the organizational structure of regional authorities, describes the legislative framework of their activities during this period. The article focuses on the controversial nature of many modernization activities of this time, especially in relation to the use of mobilization methods for the implementation of socio-economic policies. At the same time, it is indicated that the district administrative apparatus had a great influence on the course of the Stalinist modernization and contributed, in spite of contradictions, to the acceleration of the pace of development of the region.

Keywords: modernization, industrialization, collectivization, “cultural revolution”, district executive committee, district party committee.

References

1. ААКИМР (Arhiv Administracii Katav-Ivanovskogo municipal'nogo rajona). F. 1 T. 1. D. 2.
2. ААКИМР. F. 1. T. 1. D. 7.
3. ААКИМР. F. 1. T. 1. D. 8.
4. Baranov E.YU. *CHrezvychajnye metody zagotovok v ural'skoj derevne v period sploshnoj kollektivizacii* [Extraordinary methods of blanks in the Ural village during the period of continuous collectivization] *Agrarnaya*

ehkonomika v kontekste rossijskikh modernizacij XIX-XX vekov: ehvolyuciya i krizisy: sb. st. Orenburg, 2009. (in Russ.).

5. Bedel' A. E.H. i dr. *Stalinskaya industrializaciya (30—40-e gody)* [Stalin's industrialization (30-40s)]. *Opyt rossijskikh modernizacij XVIII—XX veka.* Ekaterinburg, 2000, pp. 162—174. (in Russ.).

6. Gaman-Golutvina O.V. *Politicheskie ehliny Rossii. Vekhi istoricheskoy ehvolyucii* [Political elite of Russia. Milestones of the historical evolution]. Moscow, 1998, 448 p.

7. Gimpel'son E.G. *Formirovanie sovetskoj politicheskoy sistemy 1917 — 1923 gg.* [Formation of the Soviet political system. 1917 — 1923]. Moscow, 1995, 229 p.

8. Gimpel'son E.G. *Sovetskie upravlency 20-e gody* [Soviet managers. 20's years]. Moscow, 2001, 225 p.

9. Konstituciya RSFSR 1925 g. Available at: dslov.ru/txt/t4.htm

10. Konstituciya RSFSR 1937 g. Available at: [ru.wikisource.org/wiki/A0_\(1937\)](http://ru.wikisource.org/wiki/A0_(1937))

11. Makarova N.N. «V kotle industrializacii»: povsednevnyaya zhizn' Magnitogorska (1929 — 1941). [“In the boiler of industrialization”: the daily life of Magnitogorsk (1929 — 1941)]. Magnitogorsk, 2014, 428 p.

12. Mukomolov A.F. *Na yuzhnoural'skikh zavodah.* [At the South Ural plants]. Kniga 6. Moscow, 2007, 496 p.

13. Mukomolov A.F. *Na yuzhnoural'skikh zavodah. Sbornik dokumentov i materialov.* [At the South Ural plants. Collection of documents and materials]. Kniga 7. Moscow, 2007, 608 p.

14. OGACHO. (Ob')edinennyj gosudarstvennyj arhiv Chelyabinskoy oblasti). F. 317. T. 1. D. 478.

15. Poberezhnikov I.V. *Modernizaciya: Teoretiko-metodologicheskie podhody* [Modernization: Theoretical and methodological approaches]. Available at: www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB8/poberej.htm.

16. Stalin I.V. *O zadachah hozyajstvennikov: Rech' na Pervoj Vsesoyuznoj konferencii rabotnikov socialisticheskoy promyshlennosti 4 fevralya 1931 g.* [On the tasks of economic managers: Speech at the First All-Union Conference of Socialist Industry Workers on February 4, 1931]. *Stalin I.V. Cochineniya.* [Stalin I.V. Composing]. T. 13. Moscow, 1951, pp. 29-42. (in Russ.).

17. Sysov A.I. «Bakal-gigant»: *poisk optimal'nyh variantov stroitel'stva zavoda.* [“Bakal-giant”: search for optimal options for building a plant]. *Arhiv v sociume — socium v arhive: materialy regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii.* [Archive in a society — society in the archive: materials of a regional scientific-practical conference]. Chelyabinsk, 2018, pp. 228-233. (in Russ.).

18. Ustav VKP(b) 1926 g. Available at: coollib.com/b/106392/read

19. Ficpatrik SH. *Stalinskie krest'yane. Social'naya istoriya Sovetskoj Rossii v 30-e gody: derevnya* [Stalin's peasants. Social history of Soviet Russia in the 30s: the village]. Moscow, 2001, 422 p.

20. Hlevnyuk O. V. *Politbyuro. Mekhanizmy politicheskoy vlasti v 1930-e gody.* [Politburo. Mechanisms of political power in the 1930s]. Moscow, 1996, 294 p.

Received February 20, 2019

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Сысов, А. И. Районные органы власти и их роль в модернизационных процессах на Южном Урале в середине 20—30-х гг. XX в. / А. И. Сысов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2019. — Т. 19, № 2. — С. 73—78. DOI: 10.14529/ssh190210

FOR CITATION

Sysov A. I. Regional authorities and their role in the modernization processes in the southern ural in the middle of the 20—30s. XX century. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities.* 2019, vol. 19, no. 2, pp. 73—78. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh190210